



Глава 1

ТРИНАДЦАТЫЙ ЛИШНИЙ



Кушай-кушай, Федора Егоровна!

К.И. Чуковский

Случаются вечера сонные, спокойные, которые мягко, без всплеска, без сопротивления, как перезрелый плод, падают в ночь. Бывают и другие вечера — буйные, напористые, когда даже тихие люди без повода срываются на крик, а в каждой третьей квартире всхлипывают форточки и грохают двери. И сложно сказать, в чем тут дело — в полнолунии, в атмосферном давлении, в положении звезд или в чем-то более глобальном, темном, что, скромно прячась за кулисами, пытается управлять всеми и вся.

Наконец выдаются вечера и третьего рода — внешне меланхолические, тягучие, но скрыто напряженные, балансирующие на грани безумия. В такие вечера прыгают с балконов, рыдают в го-





МЕФОДИЙ БУСЛАЕВ



лос, перерезают вены, кусают подушки, делают предложение о вступлении в брак или пишут поэмы.

Вечер, в который возобновляется наш рассказ, был именно такого третьего рода.

Некий ранее не упоминавшийся суккуб русского отдела мрака Маракаратма, в облике стервозной шатенки с психологического факультета МГУ умыкнувший свой первый в жизни эйдос, на радостях гулял всю ночь. Он плакал, смеялся, глушил бокалами эйфорию, лез целоваться к сотрудникам правоохранительных органов, передразнивал Лигула и под утро был унесен в Тартар специально присланным за ним стражем. Больше о суккубе Маракаратме в Верхнем Мире никто не слышал.

Тухломон, за день принесший мраку четыре эйдоса, буднично зевнул, прилепил отклеившееся ухо и скромно улегся спать в выхлопной трубе автомобиля. Он надеялся, что за те две секунды, что он позволит себе отдохнуть, автомобиль не успеет завестись и уехать. И надежды его оправдались.

Улита сидела в резиденции мрака, за столом, который днем был завален бумагами и заляпан капавшей с печати кровью, и пожирала холодную курятину. Глаза ее светились в темноте, как у кошки. Что творилось у ведьмы внутри и о чем она ду-





мала, науке неизвестно, но курицу Улита раздражала решительно, почти с ненавистью.

На кожаном диване, поджав под себя ноги, сидел Петруччо Чимоданов, пахнувший кислой капустой и дорогим дезодорантом. Улита давно уже ничему не удивлялась. Можно быть чистюлей в одном и грязнулей во всем остальном. Например, не менять носки по три недели и два раза в день мыть голову.

Чимоданов был занят. Он расковыривал охотничьим ножом патрон двадцатого калибра. Отдельно он высыпал дробь, отдельно порох и отдельно отложил капсуль. Лицо у него при этом было приятно созерцательное. Глаза блестели, как у питекантропа, которому вместо камней предложили забросать мамонта ручными гранатами.

— Знаешь, что будет, если поджечь порох? — спросил он ведьму, задумчиво прокручивая колесико зажигалки.

— На одного дурака меньше, — понадеялась Улита.

— Неверно! Подчеркиваю: порох взрывается только в замкнутом пространстве. А так он просто сгорает, хотя и ярко, но без последствий, — нравоучительно сказал Чимоданов.

Он ссыпал порох на столовую ложку, поднес зажигалку и ойкнул, когда всплеснувшее белое





пламя обожгло ему кончик носа. Дальше этого дело не пошло. Порох действительно не взорвался.

— Н-но! Без фокусов! Помни, кто я и кто ты! — укоризненно сказал ложке Чимоданов.

Ложка осознала свое ничтожество и промолчала. Петруччо подул на нее и встал.

— Ну я пошел!

— Куда? — лениво поинтересовалась Улита.

— Хочу попытаться выплавить свинец, — пояснил Чимоданов и, мечтательно улыбаясь, уединился с дробью.

За Петруччо, прихрамывая, бежал Зудука с капсулем. Оба — и Зудука, и его хозяин — выглядели довольными. Они существовали в мире заданных координат, где все было расписано заранее, все расставлено по полочкам. И в этой заданности было величайшее успокоение.

— Сил моих нет! Я кипю, бесуюсь и туплею! Если Эссиорх не вернется в самое ближайшее время, я кого-нибудь съем! — ни к кому не обращаясь, вполголоса сказала Улита.

Пытаясь избавиться от назойливых мыслей, ведьма потрясла головой и с недоумением уставилась на обглоданную куриную ножку, не понимая, откуда она взялась у нее в руке.

— Человек не должен ни к чему привязываться. Он должен любить, бешено любить, всей душой, но не привязываться. Ты поняла это, дура? —





сказала Улита не то куриной кости, не то кому-то еще.

Здесь же, неподалеку, Мошкин сотворил ледяную розу и окутал ее пламенем. Пламя плясало на четких гранях цветка, который, хотя и истекал слезами, мистическим образом не таял. Мошкин смотрел на розу, и в душе у него что-то болезненно перекручивалось, будто душа была мокрым полотенцем, а он отжимал ее руками. Евгеша был юн, красив, силен, но сомневался в себе, как сомневается в выигрыше неопытный игрок в двадцать одно, которому разом пришли три семерки.

Ната стояла перед зеркалом, чья серебряная рама закручивалась в форме двух бодающихся козлов. Из стеклянных глубин на нее печально взирали три белых офицера, некогда застрелившихся перед этим зеркалом из одного револьвера, который валялся здесь же, у их ног. Вихрова злилась и шипела на офицеров, чтобы они не маячили. У нее уже второй день чесался подбородок, и она хотела понять, не вскочило ли на нем что-нибудь.

Однако офицеры не уходили. Один — совсем молоденький подпоручик с запекшейся на виске кровавой запятой — подавал Нате умоляющие знаки, точно пытаясь сообщить ей нечто важное. Остальные двое не двигались и только смотрели.





Однако Вихрова не расположена была беседовать с неприкаянными духами.

— Ну разве я не хороша? — спросила она у самой себя и сама себе ответила: — Да, будем откровенны: внешность заурядная. Но что это меняет? Всякой женщине нужна прежде всего норка, все, что в норке, и хотя бы немного личного счастья... Не так ли? Допустим даже не так, но опять же: что это меняет?

Ната пристально всмотрелась в зеркало и, поморщившись, подозвала Мошкина.

— Эй! Поди сюда! — велела она — У меня что-нибудь есть на подбородке?

Евгеша послушно подошел и посмотрел глазами раненой лани. Он давно пережил свою любовь к Нате, однако старая любовь, пусть даже угасшая, всегда равно отдается тупой и мучительной болью.

— Да, есть, — сказал он, вглядываясь в круглый кошачий подбородок Вихровой.

Ната досадливо поморщилась. Ее подвижное лицо пошло мимическими морщинами — странными, несимметричными, но бесконечно привлекательными. Взгляд Мошкина застревал в них, как в паутине. Евгеша силой заставил себя зажмуриться. Да, кобра не умрет от укуса кобры, магия не подействует на того, кто родился с Вихровой в





один день, но все же несколько мучительных ночей обеспечено.

— Сама чувствую, что есть. Конкретнее, Евгений! Конкретнее! Опиши, что ты видишь! — нетерпеливо потребовала Вихрова.

— Красное пятно! — сказал Евгеша, осторожно, как больная сова, приоткрывая один глаз.

— Большое?

— Примерно с десятикопеечную монету. А большое или нет — не знаю, — сказал Мошкин, привычно обходя конкретные суждения.

Ната с ненавистью поскребла подбородок.

— Вот и я его вижу. Второй день уже чешу. Что это такое может быть, а? Не знаешь?

Но Мошкин знал только, что это красная точка.

* * *

В тот же вечер Ирка сидела в «Приюте валькирий», слушала, как дождь скребет мокрым ногтем по крыше, и разглядывала старые фотографии. Гора Ай-Петри на крымском снимке показалась ей прилипшей крошкой хлеба, и она машинально подула, пытаясь убрать ее. Зрение у Ирки было неважное, сточенное ночным чтением с монитора. Лишь когда в руке у нее появлялось копьё и она без остатка становилась валькирией, зрение





обострялось до невероятных пределов. Но это было уже другое зрение.

Антигон без дела шатался по «Приюту валькирий», заглядывал в пустые чашки, топал по половицам, тревожа мышей, и громко распевал.

— Ты не мог бы культурно заглохнуть? — попросила Ирка.

Голос у Антигона был ужасный и напоминал скрип тележного колеса.

— Это моя любимая песенка! Мне пела ее мама! — обиделся Антигон. — Золотые были времена! Она пела, а я слушал! Лежал на траве, высывал язык, ждал, пока на него сядет бабочка и... ам! Или другой вариант: прицеливаешься и...

Перед глазами у Ирки мелькнул липкий, длинный язык.

— Мимо! А ведь когда-то получалось! — разочарованно сказал Антигон, провожая глазами улетающую муху.

Внезапно люк «Приюта валькирий» с хлопком откинулся, и в него просунулась незнакомая физиономия. Большое, обветренное, довольно плоское лицо. Светлый ежик волос, таких густых, коротких и жестких, что их с ходу можно было пускать на зубные щетки. На могучих скулах играл румянец свекольной яркости.

— Ты кто? — спросила Ирка, но еще прежде,





чем получила ответ, по румянцу узнала оруженосца Хаары.

— Хозяйка приглашает вас на день рождения! — сообщил оруженосец.

Его круглая голова торчала из люка, как лежащий на грядке арбуз.

Ирка изумилась, точно забитый, мешковатый троечник, которого приглашает в гости самая популярная в классе девчонка. И троечник пугается, не зная, чем объяснить эту внезапную милость. Кого в гости, меня? А сознание уже подозрительно щелкает на счетах, перебирая варианты. Может, подвох? Может, некому подсунуть на стул сковородку с яичницей? Или дадут левый адрес и после звонка из однушки в панельном доме навстречу ему вылетит рой из семидесяти сердитых корейцев, последователей Джеки Чана?

— Я же валькирия-одиночка! — осторожно напомнила Ирка.

— Да хоть водолаз! Мне сказано: зови в гости. Вот я и зову! — непреклонно заявил оруженосец.

Ирка подозрительно уставилась на посланца Хаары, однако тот только скалился и молчал. Зубы у него были белые, широкие.

— Когда? — спросила Ирка.

Ответ удивил ее еще больше.

— Да прямо сейчас. Все уже собрались. Идем-





те, я покажу дорогу! — сообщила торчащая из пола голова и куда-то укатилась.

«Ну раз все, тогда понятно! Значит, меня за компанию. Типа всех так уж всех!» — сообразила Ирка, испытывая странную смесь обиды и облегчения.

На сборы у нее ушло не больше пяти минут. Все эти пять минут оруженосец проболтался на канате, не желая ни ждать внизу, ни забираться наверх. Таким странным образом выражалась у него спешка.

— Чего так долго-то? — гундосил он из-под пола.

Ирка плохо представляла, как они будут втроем телепортировать, и если не втроем, то куда денут оруженосца, однако о телепортации, как оказалось, речь и не шла.

На одной из асфальтированных аллей Лосиного Острова была припаркована старая иномарка-универсал с тонированными стеклами и лихо торчащей антенной, похожей на тараканий ус. На бампере белела большая наклейка: «ВОВАН».

— Вован — это кто? — спросила Ирка.

Оруженосец молча ткнул себя пальцем в грудь. Ирка смутилась.

«Могла бы и сама догадаться! Не такая уж сложная логическая задача», — выругала себя она.

Магнитола, усиленная сзади двумя здоровен-





ными колонками, гремела и чихала музыкой. Под резину стекла были вставлены диски, якобы путавшие милицейские радары, а на деле мешавшие лишь обзору.

— Садись сзади! У переднего сиденья спинка хрюкнулась! — сказал оруженосец.

— Почему хрюкнулась?

— Таамаг подвозил, — мрачно поведал Вован.

Ирка послушно попыталась сесть сзади, но там уже все место занимала здоровенная бита. Рядом с битой лежал аккуратный мячик.

— А мяч зачем?

— Чтоб дяди с палочками поверили, что я бейсболом занимаюсь! — пояснил Вован, перебрасывая биту в багажник.

— А ты занимаешься?

Свекольную голову вопрос привел в восхищение.

— Занимаюсь! Гы-гы-гы! Прямо с утра начинаю и пока комиссионеры не кончатся! — повторяла она и тогда, когда они уже мчались по ночному городу.

Вован гнал как сумасшедший. Дряхлая иномарка грохотала и лязгала, крайне удивленная своей прытью. Оглушенный музыкой Антигон подпрыгивал на заднем сиденье, при поворотах врезаясь в дверь, предусмотрительно украшенную наклейкой «**Место для удара головой**». Рань-





ше Ирке казалось, что подобные наклейки бывают только в маршрутках. Оказалось же, что они актуальны везде, где рулят Вованы.

Чтобы никуда не улететь, Ирка упиралась руками в крышу. Она не уставала удивляться, каким образом у спокойной Хаары, которая казалась воплощением порядка и аккуратности, в оруженосцах мог оказаться такой вот Вован. Вот уж точно: противоположности притягиваются хотя бы для того, чтобы дать друг другу в рыло.

Минут через двадцать машина свернула во двор и резко затормозила. Сияющий Антигон перелетел через сломанную спинку сиденья и, чпокнувшись в лобовое стекло, блаженно заулыбался.

— Ну че? Вылазить будем? Приехали ваще-то! — прогудел Вован, с усилием выдавливая наружу свой нехилый торс.

Ирка и сама догадалась, что приехали. Машина стояла в заставленном автомобилями дворе шестнадцатизэтажки.

Вован решительно надавил негнувшимся пальцем код и втиснулся в подъезд. Только в кабине лифта Ирка осознала, какого он громадного роста. Валькирия-одиночка была ему примерно по грудь. Антигон же вообще терялся где-то в нижнем ярусе, как подлесок в глухом бору.

Кикимора, в острой форме страдавшего комплексом Наполеона, данный факт оскорблял. Он





пыхтел, подпрыгивал и нарывался на драку. Бесплезно. Вован улыбался и демонстрировал полнейшее миролюбие, даже когда Антигон заявил, что булавой поотшибает все пальцы у него на ногах.

Ирка не заметила, на какой этаж они поднялись. Но довольно высоко, потому что лифт ехал долго. Ирка рада была любому промедлению: она побаивалась вот так вот сразу оказаться среди остальных валькирий.

Вован повернул ключ в замке.

— Чего встали? Проходите! — пригласил он.

Нервничая, Ирка заранее растянула мышцы лица в приветливой улыбке. Когда дверь распахнулась, она выстрелила улыбкой в пространство и... промахнулась. Это оказалась всего лишь общая дверь на площадку, где было три квартиры. Ирка увидела два спортивных велосипеда, детскую коляску и санки.

Антигон немедленно забрался в коляску. По размерам он вполне подходил, вот только рыжие бакенбарды и пористый алкоголический нос несколько исказили идеалистическую картину безоблачного детства.

— Это ваше, что ли, хозяйство? — с вызовом спросил он у Вована, кивая на коляску.

Вован поскреб пальцем висок. Соображал он явно медленнее, чем рулил.

— Соседей! Наше вот! — сказал он и, открывая





еще одну дверь, ткнул пальцем в стоящие рядом горные лыжи.

— Кто катается? Ты? — усомнился Антигон.

— Хаара. Я так, чуток! — пояснила свекольная голова, произнося имя хозяйки с неожиданным благоговением.

Опасаясь и во второй раз выстрелить улыбкой в пустоту, Ирка обошлась тем, что, встав на цыпочки, высунула голову из-за плеча Вована. И снова ошиблась. Теперь улыбка пришлась бы кстати.

Валькирия разящего копыя встречала Ирку в коридоре. Странно было видеть ее без нагрудника, копыя и щита в вечернем элегантном платье. Хаара была хрупкой и изящной, с тонкими руками, которые показались бы даже слабыми, не будь их движения так быстры и решительны.

— Брысь, Вован! Ты слишком громоздкий для нашего коридора! — приказала Хаара, мягко отстраняя оруженосца.

Вован послушно вдвинулся плечом в вешалку и сел на задумчиво хрустнувшую полку для обуви. Ирка и Хаара оказались лицом к лицу.

— Ну наконец-то! Добрались без приключений? Рада, что ты пришла! — сказала Хаара и потянулась к Ирке, явно чего-то ожидая.

Ирка растеряла все слова и вместо улыбки изобразила запоздалую лицевую судорогу. Так и не дождавшись поцелуя, Хаара отстранилась. В ру-





ках у нее был огромный букет роз. Увидев розы, Ирка внезапно осознала, что явилась без подарка.

— Слушай, а у меня вот ничего нет! Я узнала про день рождения совсем недавно и... — забормотала она, краснея.

Хаара отмахнулась с великодушной небрежностью. Примерно так отмахивается важный дядя, директор департамента, когда сын его подчиненного пытается подарить ему на юбилей обсопанную конфету, только что вытащенную изо рта.

— Какая ерунда! Проходи в комнату! Кстати, ты в курсе, что от тебя пахнет гарью?

Ирка растерялась.

— Гарью? А-а, это дым! Мы с Антигоном мусор жгли! — догадалась она.

— Вот как? Интересно. А что за мусор? — вежливо заинтересовалась Хаара.

— Ну я же в лесу живу. Народ пикники на поляне устраивает, а за собой не убирает. Мы с Антигоном вчера собрали все в кучу и подпалили... Что, сильно пахнет? — встревожилась Ирка.

Она запоздало сообразила, что после сжигания мусора полезно бывает переодеться или хотя бы помыть голову, особенно если тащишься на день рождения.

— Ничего, терпимо! Дым — это еще не самое страшное! — великодушно заверила ее Хаара, вновь подставляя ей для поцелуя щеку.





На этот раз Ирка оказалась сообразительнее. Щека валькирии разящего копья была крепко-прохладной, как только что вымытое яблоко. Ирка честно поцеловала ее, в то время как сама Хаара ограничилась тем, что чмокнула воздух.

Целуя валькирию, Ирка попутно с удивлением обнаружила, что она выше на полголовы. Вот только никаких преимуществ рост Ирки ей не давал. Он лишь подчеркивал, что она еще неуклюжий сутуловатый подросток, отчасти даже гадкий утенок, а Хаара — состоявшаяся и уверенная в себе женщина.

— Ай! — крикнула вдруг Ирка, невольно повисая на валькирии разящего копья и грудью ощущая шипы букета.

Причина этого поступка была проста как чертеж табуретки: Ирку бесцеремонно протаранили сзади. Засидевшийся в коляске Антигон, которому она загораживала дорогу, с разбегу боднул ее головой в спину. Протолкнувшись в тесный коридор, кикимор уселся на пол и, ни на кого не обращая внимания, принялся растирать ласты.

— Отдавили в лифте, гадики позорные! Никакого уважения к старости! Всех покрошу, один живой останусь! — бубнил он.

Хаара с холодным удивлением воззрилась на Антигона. Уяснив, что именно барахтается на полу, она сочла это существо недостойным персо-





нальной разборки и перевела укоризненный взгляд на Ирку. Заметно было, что паж, толкающий хозяйку, являлся для нее зрелищем новым и шокирующим. Больше Хаара поразила бы только, если бы ее собственный ботинок залаял и укусил ее за ногу.

— Что это за дела? Что ты ему позволяешь? — накинулась она на Ирку.

— Он... э-э... вообще-то хороший! Просто не подумал, — попыталась оправдаться Ирка.

— Не сомневаюсь, дорогая. Некоторые головы не способны думать. Все же лучше сразу указать нежити на ее место. Дрессировка, дрессировка и еще раз дрессировка! Мой Вован огреб бы за такое по полной программе! — заверила ее Хаара.

— Да, но Антигон этого и добивается! — несмело заикнулась валькирия-одиночка.

— Чего этого?

— Ну трепки... — сказала Ирка, ощущая себя глобальной душой.

— Значит, трепка должна быть такой, чтобы ему больше не захотелось! Если кто-то сомневается, что такая трепка существует — пусть обратится ко мне! — отрезала Хаара.

Антигон заспорил было, но встретил взгляд голубых, очень ясных глаз и притих, как застреленный зайчик. Ирка осознала, что Хаара построила бы ее кикимора в два счета. Причем по-





строила бы, даже не прилагая чрезмерных усилий. Ей стало совестно, что она такая бестолковая и недисциплинированная.

На ее счастье кто-то позвал Хаару из комнаты. Показывая, что разговор окончен, валькирия разящего копья еще раз улыбнулась Ирке, повернулась к ней спиной и пошла к гостям.

— Еще раз с днем рождения! — сказала Ирка спине Хаары.

Хаара, не оборачиваясь, равнодушно дернула лопатками.

* * *

Ирка выждала в коридоре, набрала полную грудь воздуха и, как человек прыгающий с вышки в ледяную воду, шагнула в комнату. На пороге она громко поздоровалась, глядя на люстру, и лишь после этого набралась храбрости, чтобы опустить взгляд. Она увидела длинный стол, вокруг которого столпились все возможные стулья и табуретки. Сам стол был предельно сдвинут к дивану, в благом стремлении разместить максимальное число гостей.

На подоконнике устроилась смуглая Радулга, худая, гибкая как танцовщица, с распущенными смоляными волосами. Короткий рубец на ее щеке сейчас был почти не заметен. Встретившись взгля-





дом с Ирккой, Радулга мимолетно кивнула и сразу отвернулась.

Валькирия золотого копья Фулона с дивана благодушно наблюдала за тем, как ее оруженосец открывает шампанское. Ирке Фулона улыбнулась приветливо, но нейтрально, как директриса школы новой ученице, которая, прячась за родителя-ми, проскользнула к ней в кабинет.

Ирка стала пробираться вдоль стены, взглядом отыскивая место, где можно сесть. Пока что такого места не обнаруживалось.

На противоположном конце стола царила томная и странная Ламина, валькирия лунного копья. При первой встрече с любым мужчиной она любила ошарашить его словами: «Юноша, вы мне снились!» И неважно, было юноше семнадцать лет или восемьдесят семь. Другие валькирии нервничали, когда она разговаривала с их оруженосцами. В данный момент Ламине никто не снился. Она сидела у шкафа и ела бутерброд с красной рыбой, изредка прерываясь, чтобы медленно облизать горячие губы.

Ближе к середине стола в кресле утопала Таамаг, мощные тела которой грозили взорвать изнутри спортивный костюм. Чтобы заставить Таамаг надеть платье, потребовалась бы вся златокрылая рать. Таамаг скромно обсасывала кури-





ное крылышко и перелистывала случайно прыгнувший ей в руки иллюстрированный журнал.

Когда ей на глаза попадалась фотография мужчины — безразлично какого: актера, спортсмена, художника или скромного приемщика пункта проката водных велосипедов — Таамаг непременно вздыхала и гудящим басом произносила: «КЫкой краса-а-фффчик!» Даже если мужчина был уродлив как Лигул, Таамаг не позволяла себе усомниться.

— Глаза умные! А пальцы как у пианиста! — заявляла она.

Да, к мужчинам Таамаг относилась великодушно. Зато женщин терпеть не могла. Вот и сейчас, случайно обнаружив в журнале очередную финалистку конкурса красоты, она долго разглядывала ее, после чего сквозь зубы процедила:

— Смотреть противно! Горилла мускулистая! Руки до колен! И что они в ней нашли?

Ирка невольно засмеялась. На месте Таамаг она воздержалась бы от подробных описаний. Уж больно они отдавали самокритикой. Таамаг резко повернулась к ней, едва не развалив кресло. В ее зрачках плескал огонь.

— Ты что-то хочешь сказать, одиночка? — с угрозой произнесла она.

Ирка торопливо замотала головой и, метнувшись в сторону, вклинилась между Ильгой и Хо-





лой — валькириями серебряного и медного копья. Без доспехов Ильга и Хола походили на холодных офисных красоток из представительства безмерно крутой нефтяной компании. У обеих непрерывно звонили телефоны, однако сами они на звонки не отвечали, а отвечали оруженосцы — тоже очень офисного вида, в дорогих костюмах и белоснежных рубашках с галстуками. Те хорошо поставленными голосами извинялись, что хозяйка подойти не может, и интересовались, что передать.

Рядом с Ильгой и Холой пропахшая костром Ирка ощутила себя совсем неуместной и стала озираться в поисках угла, куда можно забиться.

— Иди сюда! Да иди же! — вдруг радостно завопил кто-то.

Ирку дернули за руку. Она увидела Бэтлу и ее оруженосца. Вместе они занимали не два, а целых три сдвинутых стула. Бэтла еще не бралась всерьез за еду, только разогревалась и шевелила бровями, а к ней, как верная рать, уже сами собой сдвинулись все тарелки и салатницы. Ее упитанный оруженосец, опасавшийся при других валькириях в полной мере проявить свой аппетит, ограничивался тем, что вилкой гонял по тарелке горошину. Изредка он нырял под стол, будто для того, чтобы завязать шнурок, и ел там макароны «Макфа» из термоса. Параллельно, пользуясь момен-





том, сострадательная Бэтла незаметно спускала ему под стол бутерброд-другой.

— Не удивляйся! Это я заставила Хаару тебя позвать! — сообщила Бэтла и, спохватившись, что это звучит не слишком вежливо, торопливо пояснила: — Я думаю, пришла пора наплевать на глупые обычаи и поддерживать нормальные отношения! Одиночка — не одиночка, кого это волнует?

— Хаара тоже так считает? — поинтересовалась Ирка.

Бэтла яростно мотнула головой и с таким негодованием вонзила вилку в сардельку, что во все стороны полетели жирные брызги.

— Нет! Вообрази: наша дамочка убеждена, что идиотский закон, предписывающий держаться от одиночки подальше, имеет некий смысл. Она твердит, что если обычаи валькирий раз за разом нарушать, последствия будут самые непредсказуемые! — заявила она.

— Вот именно! — подтвердила Ильга, бесцеремонно вмешиваясь в их разговор. — Законов валькирий не так много, но все они глубоко не случайны! Если мы в чем-то не видим логики — еще не означает, что логики нет!

Бэтла с задором уставилась на «замороженную красотку», как она дразнила Ильгу. Валькирия сонного копыа уже выпила два бокала шампанского и была настроена воинственно.





— А как тебе такой закончик, Ильгочка? *«Валькирия не должна использовать свои возможности в собственных интересах»*, — процитировала она. — Нехило, а? А глубины-то сколько! А логики так вообще завались!

Ильга смутилась и поспешила лично ответить на очередной телефонный звонок. Рука ее оруженосца, уже протянутая за мобильником, удивленно повисла в воздухе.

— Отдыхай, трубконосец! Ты уволен! — насмешливо сказал ему оруженосец Бэтлы.

Отутюженный паж Ильги молча отвернулся.

— Знаете, чем я, бестактная, глупая и ленивая, глобально отличаюсь от той же Ильги? — громко, на весь стол произнесла Бэтла. — Вот самый тупой и от фонаря взятый пример: надо вскопать пару соток земли на даче и посадить картошку. Я беру первую попавшуюся лопату — пусть неудобную и ржавую, и, зевая, ужасно медленно и неохотно, но все же перекапываю землю, закидываю картошку, и дело худо-бедно сделано..

— Сделано криво и косо, — процедила Ильга, ненадолго оторвав трубку от уха.

— Ну пусть так! Пусть криво и косо, но картошка вырастет! — великодушно согласилась Бэтла. — А что сделает Ильга? Она подойдет к вопросу чудовищно серьезно. Купит десять книг по агрономии и прочтет их от корки до корки. Затем





Оглавление



Глава 1	
ТРИНАДЦАТЫЙ ЛИШНИЙ	7
Глава 2	
CUSTOS MORUM	62
Глава 3	
НЕДОГАВРИКОВ И ГОРОДСКИЕ ОЗЕЛЕНИТЕЛИ	81
Глава 4	
СЛУЧАЙНАЯ СТЫЧКА	99
Глава 5	
ОТ ЛАДЬИ ХАРОНА К ЛАДЬЕ ХАВРОНА	127
Глава 6	
ИСПАНСКИЙ ПОЦЕЛУЙ ЯПОНСКОГО ЛЕЙТЕНАНТА	153
Глава 7	
ПРОДАЕТСЯ ТРОЯНСКИЙ КОНЬ. БЕЗ ПРОБЕГА ПО РФ	186





Глава 8	
VERA RERUM VOCABULA	209
Глава 9	
НЕЙТРАЛ	233
Глава 10	
ТЕЛЕФОНЫ И ТЕЛЕФОНЧИКИ.	250
Глава 11	
NE HUNRY MUHRY	278
Глава 12	
PLUS SONAT QUAM VALET	294
Глава околотринадцатая	
PRINCIPUS OBSTA	312
Глава 14	
ПОСЛЕДНИЙ ВАГОН.	337
Глава 15	
«А НЕ ПОГОУИТЬ ЛИ НАМ К НАШИМ ХОМАМ?»	371